

## «Дороги к морю» Ф. Мориака

«Жизнь большинства людей — это мертвая дорога, она никуда не ведет. Но другие с детства знают, что они идут к неведомому морю. Уже горечь ветра удивляет их, уже вкус соли на их губах, — когда же они перейдут последнюю дюну, эта беспредельная страсть захлещет их по лицу песком и пеной. Им остается погрузиться в нее — или вернуться назад».

Эти строки взяты эпиграфом к новой книге Мориака и повторяются в конце ее. Это лейтмотив романа о тревожных человеческих судьбах, о судьбах, в которых все — лишь предчувствие моря, огромного мира, лежащего впереди.

Книга об уходе к морю рождается из старой темы Мориака, темы безысходности. Как во времена «Клубка змей» и «Терезы Декейру», писателя охватывает ужас перед душным застойным мирком буржуазной семьи. Семья эта — ад, лицемерно-благопристойный с виду, но за внешними приличиями всегда скрываются корысть, бездушие, деспотизм.

Но все яснее становится, что этот косный быт непрочен. Устой домашнего очага рушатся иной раз от легкого толчка. И если для одних членов семьи — это крах и гибель, то для других — выход из тюрьмы на воздух, в котором угадываешь дыхание моря.

Роман «Дороги к морю» — это история распада двух семей.

Владелец нотариальной конторы Оскар Револю, разоренный любовницей, обанкротился. Семья узнает о банкротстве во время сборов на бал. Дождливой ночью, не успев сменить бальных нарядов, жена, дочь и два сына едут в загородное имение — последнее, что осталось у Револю. Отца они уже не застают в живых: он покончил с собой.

Жизнь семьи надломилась. Старший сын, Жюльен, истеричное ничтожество, потрясен тем, что ему не придется больше блистать в свете в роли «сына Револю». Он запирается в своей комнате, перестает умываться и менять белье и заставляет больную мать нянчиться с ним. Мать старается поднять авторитет этого «главы семьи» в глазах младших детей, твердит им о необходимости «поддерживать фамильную честь».

В одном из рассказов сборника «Погружения» («Фамильная честь», см. «Интернациональную литературу» № 2) Мориак с большой

силой рассказал о том, как неглупый, одаренный юноша погубил свою жизнь ради страшных, убивающих человека социальных предрассудков. Но младшие члены семьи Револю не намерены принести себя в жертву «фамильной чести»: они начинают жить по-своему. Несмотря на возмущение матери и Жюльена («Такое падение!.. Ты, Роза Револю, — продавщица!»), дочь поступает в книжный магазин; сын Дени, провалившийся на экзаменах на степень бакалавра, сходит с дочерью управляющего имением и (еще одно падение!) погружается в прозу огородного и молочного хозяйства.

Дени не принадлежит к тем, кто находит выход к «морю». Неудачной женитьбой на тупой мещанке («не все ли равно, она или другая») кончаются все его юношеские искания. Он чувствует себя счастливым только в присутствии сестры, к которой с детства глубоко привязан. Но и эта связь рушится.

Прослеживая нить за нитью результаты банкротства Револю, обнажая все нервы и связи в переплетении человеческих судеб, на которые так или иначе повлияло это событие, Мориак мастерски показывает, как громадна в буржуазном обществе власть собственности, как деньги прокрадываются во все человеческие отношения, разъедают их, подчиняют и определяют чувства и поступки людей. Он связывает с судьбой Револю судьбу другой семьи: матери и сыновей Костадо. Леони Костадо, подруга госпожи Револю, первая сообщает ей о банкротстве Оскара Револю. Деньги Костадо были вложены в предприятие Револю, и теперь госпожа Костадо вымогает их у растерявшейся подруги. Леони обладает хваткой профессионального бандита и ловкостью стряпчего, в борьбе за деньги для нее все средства хороши. И она не позволяет обезумевшей от горя подруге ехать на помощь мужу, который в это время собирается убить себя, не выпускает ее до тех пор, пока та не подписывает требуемый денежный документ.

Сын Леони Костадо, безвольный и ничтожный Робер, после банкротства Револю разрывает с Розой, которая была его невестой. Роза меньше всех Револю огорчена потерей состояния, в мире «есть только одна роскошь», которой она дорожит, — любовь к Роберу. Необходимость работать не удручает ее. Перейдя в ряды «большой части человечества», тех, кто встает поутру с заводским гудком, она чувствует себя независимой, она рада этой новой жизни. Иначе воспринимает перемену



Робер. Он, как и его мать, считает, что бесприданница — ему не пара, но эту основную причину своего охлаждения к Розе он не называет вслух, прикрывая ее другими, «поэтическими». Вместе с богатством Роза, видите ли, утратила свое обаяние и красоту: ее платья немодны, кожа потускнела, она не успевает завиваться. Он же, Робер, нуждается в красоте или, точнее, в легкой, праздной жизни, украшенной всеми развлечениями, доступными светскому кутиле и бездельнику. И вот трусливо, исподтишка он подготавливает разрыв; и в минуты последнего объяснения, когда потрясенная девушка, теряясь в догадках, спрашивает о причинах этого неожиданного «я тебя больше не люблю», в мозгу Робера копошится пошленькая мысль: он свободен, теперь он «устроит себе житьишко» (*se ferait une petite vie*).

Судьба Розы продолжает еще одну «вечную» тему Мориака: тему одиночества. Недаром столько раз в романах и новеллах возвращался он к Терезе Декейру, чью жизнь неумолимо, частица за частицей, день за днем, разрушили бесчеловечные законы общества, — к женщине, не нашедшей спасения от своего одинокого отчаяния ни в любви, ни в дружбе, ни в материнстве.

Роза одинока уже давно, тогда, когда сама еще не понимает этого, когда считает себя счастливой его присутствием, не подозревая, что любимый человек рядом с нею погружен в мелкие, коварные и корыстные расчеты. Еще более одинока она после разрыва с Робером; брат напоминает ей о своей дружбе: «Остаюсь я». «Ты?» — переспрашивает Роза. При всей любви к Дени она «не приняла бы от него капли воды», так она чужда всему, кроме своего страдания. Вскоре Дени проваливается на экзаменах; он тоже переживает тяжелый душевный кризис и ждет от сестры помощи, участия, хотя бы ничтожного знака любви и дружбы. Но Роза слишком утомлена и погружена в себя, она неспособна дать мальчику то, чего он ждет, и когда она спохватывается, уже поздно: Дени тоже замкнулся в своем одиночестве.

Так одиноки и все другие, даже второстепенные персонажи романа.

Мать Револю, тяжело заболев, не хочет тратить деньги семьи на операцию, за успех которой врач не может поручиться заранее, и до конца не говорит детям ни слова о своей болезни, одинокая, лицом к лицу с надвигающейся смертью.

Все эти судьбы вновь и вновь твердят о том, что всегда волновало Мориака: человек одинок, он не может открыться другому человеку, не может найти помощь и поддержку ни в дружбе, ни в любви, ни в отноше-

ниях матери к сыну, брата к сестре. Все чувства отравлены и искажены в мире, который окружает Мориака.

Вот почему с огромной силой звучит проходящая через всю книгу поэма маленького Пьера Костадо об Аттисе и Кибеле. Младший член семьи Костадо, восемнадцатилетний Пьеро, — оригинальный и талантливый юноша, настоящий поэт. Он создает прекрасную поэму, и это поэма об одиночестве.

Кибела — богиня природных сил, мать богов. Это сама Природа, земля, создание безформы, не имеющее человеческого облика, но наделенное всеми человеческими страстями и страданиями. Ее любовь к пастуху Аттису безнадежна и безответна, трагична ее ревность к нимфе Сангариде. Аттис изменяет Кибеле, потому что его роднит с нимфой человеческий облик. У Кибелы нет человеческих рук, чтобы обнять любимого, нет лица, нет глаз, чтобы выплакать свою любовь, боль, гнев, но вся она, до последнего камня, до последней травинки пронизана мукой неразделенного человеческого чувства. Поэма эта прекрасна. Быть может, нигде в романе Мориак не проявил себя таким чутким художником, таким тонким психологом и вместе с тем таким мастером формы, как в этой символической повести о муках древнего божества.

Известно, какие глубокие корни имеет во французской поэзии культ античности. Мориак принимает этот культ не в героической его форме, отличавшей XVII век, и не в гармонической пластичности XVIII века; античные образы у него страдают разорванностью, какую придавали античности писатели декаданса.

Но ни на минуту не забываем, что Кибела — сама природа. Холодная вода источников, имеющая привкус земли, травы, пятнающие своим соком тело спящего пастуха, рыжий песок пустынь, одинокий вскрик птицы и глухое жужжанье мух, и проза, бродящая в ветвях, — все это она. Аттис спит. Кибела приглушает вокруг возлюбленного земные шумы, охраняет его сон. И, подстерегая его сновидения, она ловит первые тени рождающейся в нем страсти, предчувствует неизбежную измену. Аттису снится Сангариде, и что значит рядом с нею дикое величие Кибелы?

«Одиночество пред лицом чужой любви» — так понимает смысл поэмы Пьеро его друг Дени. Но, пожалуй, смысл этот больше: это одиночество всякого живого существа среди других, настолько чуждых ему, что они кажутся жителями разных планет. Гениальный мальчик, облик которого вычерчен Мориаком особенно любовно и бережно, не сразу признает свое одиночество. Но и он одинок, как все остальные, и отчаянно мечется в страшном и чуждом мире в поисках какого-то выхода.



И, наконец, Пьеро, как Роза, находит свою дорогу к морю.

Но что значит у Мориака море?

Один из французских критиков замечает, что у таких писателей, как Мориак, для героев, «оскорбленных и испуганных жизнью, всегда было два выхода: религия или самоубийство. Действительно, уходом в религию почти всегда кончались у Мориака человеческие судьбы, но это вовсе не было их органическим завершением. Напротив, писатель заранее, а priori обрекал своего героя определенной развязке. Иной раз он оказывается притяженным к богу насильно, вопреки всей логике характера и развитию действия, и это нередко портит развязки произведений Мориака.

Этот же выход приготовил Мориак и теперь для своих Розы и Пьеро, и звучит этот финал так же фальшиво, быть может, еще нестерпимее, чем в «Клубке змей» или «Конце ночи».

Роза — живая девушка, отнюдь не склонная к набожности и мистицизму. Она легко и с достоинством переходит от праздности и роскоши к будничной работе, с большим самообладанием принимает крушение личного счастья, разочарование в любимом человеке. И трудно поверить автору, когда он в конце заставляет эту девушку искать утешения в молитвах, в обращении к потустороннему миру.

Еще менее правдоподобно обращение к религии поэта Пьеро, хотя оно и мотивируется разочарованием в близких людях, внутренней борьбой с «низменными страстями». И вот юноша, который «всегда избегал священников, хотя, в сущности, любил их», бежит на исповедь, погружается в религиозные книги, словом, впадает в глубочайшую набожность.

Надо сказать, что мысль о другом выходе, о смерти, не возникает у Пьеро даже в самые жестокие минуты, так опьяняет его радость жить, чувствовать каждое биение сердца, каждое соприкосновение живого существа с природой, с воспетым в его поэме языческим чувственным миром Кибелы; даже если бы он ослеп, ему достаточно было бы, чтобы любить мир, «шума грозы в листьях и аромата, которым дымятся недра влажной земли». И его-то Мориак превращает в мистика после первого серьезного столкновения с жизнью.

Это тем более неправдоподобно, что Пьеро — не только юный язычник, певец Кибелы и Аттиса, его задевает в какой-то мере и социальный смысл того, что происходит вокруг. Он видит: его мать грабит семью Револу, его брат из-за денег бросает Розу, он сам из-за всего этого лишается дружбы Дени. Он говорит брату: «Я ненавижу деньги,

постому что они меня держат. Нет выхода, я думал об этом: нельзя ускользнуть от денег. Мы живем в мире, основа которого — деньги... восстать против них, значит восстать на мир, на самую жизнь... Или, — добавляет он, — надо было бы обновить лицо земли... Остается это...» «Что?» — спрашивает брат. «Революция... или бог», — отвечает Пьеро.

И в конце романа он опять возвращается к этой дилемме. Можно перейти «на сторону бедных», отказаться от денег, «стать самому эксплуатируемым», чтобы не быть эксплуататором, но это «свыше его сил». Можно «...больше всего послужить рабочему классу, оставаясь самим собой», то есть поэтом, но Пьеро отвергает и эту мысль, ибо, кажется ему, писать прекрасные стихи, будучи богатым, значит только эксплуатировать бедных более утонченным способом.

Сам Мориак, не переставая быть собой, становится сейчас на сторону борцов с фашистами — злейшими врагами рабочего класса, но для своего героя он отвергает этот единственно правильный выход: служить эксплуатируемому народу, оставаясь поэтом, то есть самим собой. И, отвергнув также все другие пути, оставляет религию. Ужасающе фальшив этот выход, это насильственное превращение горячего, живого, честного юноши в мистика.

Нет, Мориак не привел своих героев к морю. Вернее, мертвым морем, горьким и недвижимым, он подменил для них настоящий океан человеческой жизни и борьбы. Но герои, жаждущие пробиться к морю, у него появились. Он доводит их до минуты, когда последняя дюна перейдена, до предела, откуда есть только два пути: путь «в море» или путь назад. Герои эти, быть может, вышли бы к настоящему морю настоящим, трудным путем, если бы они могли действовать дальше помимо воли автора, но, как известно, это невозможно.

Мориак бьется в пределах одной темы, бьется давно. С каждым разом он чуть больше раздвигает ее тесные грани. Хорошо уже, что у него появились такие герои, как Роза и Пьеро, хорошо, что он все беспощаднее критикует окружающий их и его отвратительный мир. Хорошо и то, что Мориак, как выход из этого мира, как второй и равно высокий для него путь называет революцию.

Но он может только назвать ее.

В сущности, Мориак не нашел еще выхода, ибо, если выход в религию неправдоподобен, навязан героям извне, то и выхода в революцию Мориак сейчас по-настоящему показать не может; он в «Дорогах к морю» никого нигде не привел; хорошо уже то, что он указал цель, нашел настоящее имя Моря.